

ЕСТЬ в искусстве классического балета целая плеяда замечательных артисток, сумевших внести в условность хореографических образов дыхание жизненной правды. К ним относится и балерина академического Большого театра оперы и балета имени А. Навои, народная артистка Узбекской ССР, лауреат республиканской премии имени Хамаи Бернара Кариева.

Танец Кариевой — это поэтическое обобщение человеческих судеб, это целая гамма возвышенных человеческих чувств, это абсолютная слитность танцевальной техники и актерского мастерства, музыки и пластики. Меньше всего балерина стремится к тому, чтобы ослепить публику техническим блеском или совершенством форм, красивой позой или эффектным выходом. В ее танце всегда присутствует та благородная простота, сквозь которую отчетливо проступает гармония всех элементов возвышенного языка классического балета.

За шестнадцать творческих лет артистка создала на балетной сцене сложнейшие романтические образы, захватывающие глубиной человеческого чувства, пленяющие красотой души и цельностью натур.

В своем искусстве Бернара Кариева не всегда шла проторенными путями. Если такие партии, как Жизель, Одетта-Одилля, Мария, создавались на основе их традиционного исполнения многими мастерами сцены, то образы Нины в «Маскараде» Лапутина, Донны Анны в «Дон-Жуане» Фейгина, Деи в «Человеке, который смеется» Зейдмана, Мехри в «Сухайль и Мехри» Левиева, Сонни в «Амulette любви» Ашрафи требовали от балерины сугубо личного прочтения. Напряженные творческие поиски не проходили бесследно. Ее танец наполнился большой внутренней силой, обрел емкий выразительный характер.

Вот как писал композитор Арам Хачатурян о ее выступлении в «Маскараде»: «Бернара Кариева — Нина одно из интереснейших явлений в балетном театре наших дней... Кариева не только танцует на сцене. Она думает в танце, и эта осмысленность составляет секрет достоверности создаваемого ею образа».

Трудно представить танец Кариевой без этой осмыс-

ленности, глубокой содержательности, в которых заключаются секрет ее остро современного искусства. Даже в бессюжетный танец она вносит дыхание поэтической мысли. Отсюда такое богатство душевных интонаций в «Седьмом вальсе» Шопена, в «Весенних водах» Рахманинова, в «Мелодии» Глюка.

Б. Кариева умеет увести за

«Жизели». И в каждом образе, созданном балериной, — прекрасный мир человеческих чувств, жизненная энергия, убежденность в праве на счастье.

Самой любимой ролью Кариевой была и остается Жизель. Возвышенному, поэтическому танцу балерины близок мир этого романтического балета. Чистоту и

непреходящую любовь артистка окрашивает тонами смятения, душевной усталости. В сцене на кладбище Кариева достигает подлинно драматических высот.

И Нина, и Донна Анна в исполнении Кариевой — это зримый мир человеческих сомнений и разочарований, стремлений и надежд.

К последним работам ба-

чалась со многими ведущими танцовщиками театра. И только с заслуженным артистом Узбекской ССР Виталием Васильевым у них установился тесный творческий контакт. Академически строгая исполнительская манера Васильева созвучна танцевальному мастерству балерины. В их даровании много общих черт. Оба тяготеют к романтическим целеустремленным образам. Их танцу присуща та благородная элитантность, которая сообщает ему особую возвышенность, одухотворенность. Каждое совместное выступление Кариевой и Васильева, каждый их дуэтный танец представляет собою единую гармонию. Какая динамика чувств в их Франческе и Паоло, сколько жизненной энергии, тончайших душевных нюансов в Анне и Дон-Жуане, сколько таинственной сказочности в Царевне и Елисе, сколько акварельной прозрачности в Зигфриде и Одетте...

Творческая жизнь балерины — это не только яркие огни ramпы, бурные аплодисменты, букеты цветов, зарубежные гастролы и лауреатские значки. Это прежде всего, труд, труд упорный, настойчивый, терпеливый. Здесь, в балетном классе, в ежедневных изнурительных тренировках рождаются Марии и Жизели, Одетты и Анны. Сколько порою надо затратить душевных и физических сил, чтобы с блеском прожить потом на сцене короткую жизнь своих героинь.

С искусством Бернары Кариевой познакомились не только жители Узбекистана. Она танцевала на прославленных сценах Москвы и Ленинграда, на сценических площадках многих городов Советского Союза и зарубежных стран. И не всегда Кариеву встречали ослепительные огни ramпы. Частенько под ногами была сцена из составленных вместе грузовиков, из наскоро сколоченных досок.

К строителям газопровода Бухара — Урал, железной дороги Чарджоу — Кунград, к газовикам Газли несла она свое вдохновенное искусство. Сегодня Бернара Кариева — гость земли казахстанской, и казахстанцам предстоит радость знакомства с ее замечательным искусством.

Л. ПЕЛЕВИНА.

НА СНИМКЕ: Жизель — Бернара Кариева.

ТАНЦУЕТ БЕРНАРА КАРИЕВА

собой зрителя, заставить его прочувствовать атмосферу сценического действия.

Азбуку классического танца Бернара Кариева постигла в стенах Ташкентского хореографического училища, куда она пришла в 1947 году. А через четыре года она поступила в Московское училище, в класс известного педагога М. А. Кожуховой.

Уроки в прославленном училище, общение с выдающимися мастерами балетной сцены, спектакли Большого театра с великой Улановой стали для артистки серьезной школой. В Ташкент она вернулась сложившейся балериной.

Творческая тема балерины обозначилась сразу: первая партия Марии стала многообещающей заявкой на воплощение сложных романтических образов. Так пришли Жизель, Одетта-Одилля.

Всепобеждающую силу красоты и торжества гуманизма начала танцует Кариева в «Бахчисарайском фонтане», затаенную грусть — в «Лебедином озере», всепрощающую любовь, облагораживающую человека, — в

доверчивость юной души, неодолимость высокого чувства она передает легким воздушным танцем, пленяя красотой арабесков, трепетом распластанных полетов, изяществом стремительных вращений. Каждый спектакль «Жизели» с участием Кариевой — это трепетный рассказ о высоком чувстве беззащитной девочки-подружки, о победе над эгоизмом и жестокостью.

Событием в театре стала Нина Кариевой в лермонтовском «Маскараде». Балерина уловила дух лермонтовской поэзии и бережно перенесла его на язык танца, в котором сумела выразить все тончайшие оттенки душевного состояния своей героини.

Интересный, цельный образ создала артистка в балете Фейгина «Дон Жуан». Лирическое дарование Кариевой помогло ей правдиво раскрыть психологию и душевный мир глубоко любящей и страдающей женщины, передать противоречивость борющихся в ней чувств.

Одинокость героини, ее

лерины можно отнести партии Фригии, Мехри, Сонни. Итальянка, узбечка, индианка — тонкими, точными штрихами обозначает она национальность своих героинь. Не теряя чувства меры, Кариева тонко передает все оттенки танцевальных стилей.

В образе ее Фригии, словно сошедшей с полотен итальянских живописцев, сильны трагические мотивы.

В числе последних работ, хотелось бы особо отметить образ Мехри, в котором в полную силу проявилось национальное искусство танцовщицы. Мехри Кариевой полна непримиримости, решительности. В свободно льющейся кантилене движений — сдержанность, легкость, изящество и нежность. Чувство стиля помогает Кариевой сохранить в классической партии манеру узбекского танца, целиком войти в музыкальную стилистику балета. Богатство пластической лексики роли Мехри открыло в балерине прекрасную исполнительницу узбекских танцев.

В процессе работы над ролями Кариева не раз встре-

ЛЕНИНСКАЯ ОМЕНИ
Анна-Анна

Х 6 ПЧ 1972